

ный на данных принципах миропорядок был бы избавлен от нынешних глобальных объективных и субъективных проблем. Понятно, кто «за» и кто «против» этой парадигмы. Согласно с тем, что этого добиться очень трудно и нужен длительный период. Но встает череда вопросов:

Если это утопия, то почему ее в ряде стран не самых отсталых реализовывали в течение почти столетия и добились значительных успехов?

Кто является самым непримиримым противником данной перспективы?

Кто является ее сторонником?

Кто занимает выжидательную позицию, почему и что мешает им перейти на одну из указанных выше сторон?

Какие факторы, объективные и субъективные, внутренние и внешние привели к тому, что от этой парадигмы отказались?

Только честные ответы на весь комплекс этих вопросов позволяют определить возможность использования данной перспективы выхода из затянувшегося экономического, политического и правового кризиса.

Жданов Павел Сергеевич

Pavel S. Zhdanov

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Кризис права в контексте смены культурных парадигм

The crisis of law in the context of a cultural paradigm shift

Проблема кризиса современного права, подробно рассмотренная в монографии Р. З. Рувинского¹ и ставшая предметом обсуждения на круглом столе, несомненно, имеет первостепенное значение не только для современной теории права, но и для всего спектра социально-гуманитарных наук. Будучи уверенными в том, что только в рамках непрекращающегося научного диалога данная проблема может, если не получить разрешение, то во всяком случае обрести отчетливую формулировку и осознание, мы хотели бы в настоящей статье выразить свое видение сути и причин указанных кризисных процессов.

Прежде всего, на наш взгляд, несомненным является комплексный характер кризисных явлений. Действительно, в области права признаки кризиса дают о себе знать, по крайней мере, с первой половины прошлого века. Применительно к правосознанию его подробное исследование осуществляли (если брать российских авторов) П. И. Новгородцев², И. А. Ильин³. Описание кризиса этики и права в середине XX века дано П. А. Сорокиным⁴ в рамках всестороннего анализа упадка чувственной культуры. Классический характер сегодня имеет работа Г. Дж. Бермана⁵, где приводится четкая характеристика кризиса западной традиции права. Не менее яркую картину современного кризиса, рассмотренного через призму истории справедливости, можно найти у П. Проди⁶. При этом сегодня зачастую отмечается, что негативные процессы в сфере права во многом связаны с трансформацией государства в условиях глобализации. В упомянутой выше монографии Р. З. Рувинского кризис правопорядка предстает системным явлением, внешними проявлениями которого в числе прочего выступают чудовищный рост законодательного регулирования, повышение роли чрезвычайного правотворчества, расширение контроля государства за жизнью общества при размывании государственного суверенитета и т. д. Таким образом, можно говорить о том, что

¹ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020.

² Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994.

⁴ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017.

⁵ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1998.

⁶ Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

кризисные тенденции в области права связаны с более масштабными социально-политическими или даже цивилизационными проблемами.

Представляется, что имеет смысл анализ кризисных процессов в правовой сфере в контексте упадка культуры модерна (пример которого можно увидеть, в частности, в работах П. А. Сорокина). В этом случае кризис, который всегда так или иначе связан с прерыванием ровного поступательного течения процессов внутри некой системы и переходом к ее новому состоянию, предстает в качестве утраты правом своих традиционных ориентиров (этических, когнитивных) в условиях разрушения прежде упорядоченного космоса данной культуры. Такое исследование, прежде всего, требует специфического методологического инструментария.

Семиотический подход, позволяющий анализировать культуру в качестве динамично развивающейся знаковой системы¹, может дать необходимый понятийный аппарат для описания сложных отношений между различными сферами человеческой деятельности в рамках единого цивилизационного поля. Язык правового дискурса — это не просто формальный понятийный аппарат и устойчивые связи между понятиями, — его знаковые элементы и конструкции несут в себе широкий спектр явных и подразумеваемых смыслов, они нагружены коннотациями, могут восприниматься как символы. Этот язык связан с общим кодом породившей его культуры и может быть адекватно интерпретирован только носителями данного кода. При этом язык является не просто инструментом для выражения смысла, он во многом определяет характер мышления использующих его субъектов. Языковые структуры непосредственно связаны с ментальными структурами, и от них зависит, что и как может быть высказано на этом языке².

Если мы становимся на точку зрения семиотического подхода, то кризис права (правосознания), взятый не на уровне его частных проявлений, а на уровне его мировоззренческих оснований, может быть представлен как ситуация рассогласования между правовым дискурсом, привычно ориентированным на язык культуры модерна, и новыми культурными процессами, не находящими адекватного выражения в устоявшихся знаковых системах. Рассмотрим вкратце основные структурные составляющие языка права эпохи модерна и проследим историю их формирования.

Традиционно на Западе право было автономной системой. Со времен первых университетов оно формировалось под влиянием юридической науки на основе обычаев, римского права и — вплоть до начала Нового времени — при минимальном участии государственного законодательства³. Ориентируясь на Свод Юстиниана, средневековые юристы в идеале мыслили право в качестве целостной системы, воплощенного разума, даже если его единство приходилось усматривать за разрозненностью правовых источников. Большое значение в этой связи имело использование логического арсенала схоластики, приспособленного для согласования противоречащих друг другу авторитетных текстов. Воспринятая средневековой юриспруденцией стоическая естественно-правовая традиция связывала право с единым разумным началом, в христианской интерпретации — божественным промыслом (или вечным законом у Фомы Аквинского), который находил свое отражение равным образом в Священном Писании, в естественных стремлениях человека и в принципах его разума. Таким образом, на пороге Нового времени, когда под влиянием античной философии и схоластики идеал рационального мышления был усвоен европейским мировоззрением, рациональность права, его системность и связь с природой человека утвердились в качестве основных связующих звеньев юридического дискурса.

Другим важным мировоззренческим ориентиром для европейской культуры со времен Ренессанса становится антропоцентризм — вера в творческое призвание человека, в его способность своими силами преобразовывать как природу, так и социум. Планы по построению идеального общества в ренессансных утопиях представляют собой синтез гуманистических идеалов с верой в возможность подчинить жизнь общества разуму.

На этом фоне активно развивающееся государство, власть которого к XVII веку в крупных европейских монархиях приобрела форму абсолютизма, воспринималось как важнейший институт,

¹ Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2010. С. 396.

² Подробнее см.: Жданов П. С. История политических и правовых учений как история дискурсов: проблемы методологии исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 109—116.

³ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 2019. С. 56.

обеспечивающий реализацию принципов разума в организации общества. Механизм политического дискурса XVII—XVIII веков напрямую соотносится с дисциплинарными практиками, посредством которых государство стремилось формировать индивидов, встроенных в деятельность социальной машины. Изгнание иррационального начала из человека должно было обезопасить общество от войны всех против всех, описанной Т. Гоббсом в качестве атрибута естественного состояния, но грозившей вернуться в случае ослабления государства.

Конечно, по мере роста могущества территориального государства, право постепенно втягивается в поле действия его суверенной власти, все больше ассоциируясь с функцией по государственному регулированию жизни общества. Тем не менее в рамках рационалистической философии от Г. Гроция до И. Канта сохранялось представление о том, что в основе действующего права лежит совокупность априорных принципов или аксиом. Таким образом, устанавливалась связь юридической теории с методологией математического естествознания, под влиянием которого формировалась картина мира Нового времени. Задача же государства виделась в воплощении указанных естественно-правовых начал в законодательстве. Этим гарантировалась не только легитимность, но и рациональность последнего.

Статичность рационалистического понимания права была существенно скорректирована в конце XVIII века с появлением историзма. Новое историческое сознание исходило из представлений о том, что человек меняется по мере развития культуры, а также об исторической обусловленности продуктов духовной деятельности. Уже в начале столетия Джамбаттиста Вико писал о нескольких типах естественного права, характерных для разных эпох. У Гегеля идея права подлежала постепенному осуществлению в истории человеческого общества. Наконец, представители исторической школы права, отказавшись от отвлеченных конструкций рационалистической естественно-правовой доктрины, трактовали право как органический продукт народного сознания, наряду с другими проявлениями национальной культуры.

Своеобразный синтез рационализма и исторического сознания в эпоху Просвещения породил теорию прогрессивного развития человечества, выражавшегося, прежде всего, в росте рациональности в жизни общества (например, у Вольтера). Эволюция государства, установление более разумной формы правления, обеспечивающей условия для развития общества, в этой связи становится одним из ключевых факторов прогресса. Появившийся на рубеже XVIII—XIX веков юридический позитивизм, с одной стороны, представляет право как фактическое выражение воли государства, с другой — требует, чтобы в нем был осуществлен принцип полезности¹. На всем протяжении XIX века правовой дискурс движется в русле логики инструментального разума. Отказавшись от естественно-правового идеала, юриспруденция рассматривала право исключительно в его фактически существующих формах и при этом оценивала рациональность действующих норм с точки зрения того, насколько они соответствуют задачам развития общества, защиты социально значимых интересов (в т. ч. классовых).

Вместе с тем, несмотря на постепенную трансформацию культуры модерна, ее основные структурные характеристики сохраняли свою значимость, по крайней мере, до конца XIX века. Ценности рационализма, гуманизма, прогресса по-прежнему задавали тон и правовому дискурсу, связывая его с общими началами западного мировоззрения. Однако в начале XX века кризис базовых принципов современной культуры, выразившийся в утрате веры в безграничные возможности человеческого разума, в отказе от самого ренессансного образа человека, в провале просветительского проекта осуществления разумного социального порядка в истории, лишил правовой дискурс привычных мировоззренческих ориентиров.

Что касается государства, то в течение XX века в условиях распространения тоталитарных режимов, на фоне мировых войн и глобального противостояния идеологических систем оно в значительной мере утратило свой образ оплота разума². В начале XXI столетия стало вполне очевидным, что состояние войны всех против всех³ теперь не антитеза государственному порядку, а, напротив, одна из составляющих «новой нормальности», позволяющая постоянно поддерживать режим чрезвычайного положения и тем самым легитимировать расширение сферы государственного контроля. Глобализация, активное внедрение управленческих методов, основанных на мани-

¹ См. Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*. London, 1832. P. 62.

² Подробнее см.: Жданов П. С. Государство и рациональность в политической рефлексии Нового времени // Вопросы философии. 2020. №3. С. 42—53

³ Подробнее о ситуации «естественного состояния» в рамках современного миропорядка см.: Рувинский Р. З. *Правовопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы*. СПб.: Алетей, 2020. С. 97—103.

пулировании массовым сознанием, перманентный кризис — эти и другие атрибуты современного мира фактически изменили роль государства и монополизированного им права в жизни общества.

При этом политико-правовой дискурс продолжает апеллировать к системе ценностей, вырабатанной культурой модерна: автономии и самоценности права — при его полной зависимости от государства, правам личности — при распространении новых способов подчинения и манипулирования индивидом, народовластию — при все большей закрытости каналов власти и процессов принятия решений. Таким образом, налицо неадекватность языка современного правового дискурса тем процессам, которые сопровождают демонтаж культуры модерна и создают контуры нового мировоззрения, ускользая при этом от четкого выражения и соответственно осмысления на распавшемся и фрагментированном языке. Очевидно, консерватизм языка юриспруденции, обернувшийся сегодня его безжизненностью, может быть удобен, создавая иллюзию прочности ценностных оснований права, подобно ширме закрывая от стороннего наблюдателя пустоту на месте рухнувшего здания современной правовой традиции. Так или иначе, в сложившейся ситуации, когда затянувшийся период смены культурных парадигм препятствует возникновению языка, соответствующего новым реалиям, нерелевантное использование привычных понятийных конструкций чревато самозамыканием политико-правового дискурса в искусственном мире.

Степанов Алексей Георгиевич

Aleksey G. Stepanov

кандидат философских наук, доцент, доцент
кафедры философии, социологии и педагогики
Чувашского государственного университета
им. И. Н. Ульянова

Правовое сознание в парадигмальном формате общественного идеала

Legal consciousness in the paradigm format of the social ideal

Общественно-правовая система в рамках социально-философского анализа представляет собой особый комплекс бытия, составляющий с другими формами существующего неразрывную целостность. Осмысление процессов становления общественной жизни не может претендовать на завершенность без обращения к параметрам обеспечения правового порядка ее организации. Вариант концептуального решения этого вопроса, актуальность которого в условиях кризиса императивов общественного воспроизводства приобрела особую значимость, был предложен в исследовании Р. З. Рувинского «Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы». Проблемное поле монографии определено автором как анализ «трансформаций государственных и правовых институтов в условиях протекающего на наших глазах глобального кризиса <...> проявляющегося в различных областях общественной жизни <...>»¹. Идея неизбежности столкновения теневых, неофициальных норм регламентации социальной жизни с институтами официального позитивного права как доминирующих тенденций развития современного правового пространства, выраженная в работе в качестве концептуальной пропозиции, очевидно, содержит существенный когнитивно-эвристический потенциал, востребованный как в контексте обеспечения правотворчества, так и в правоприменительной практике.

Параметры предпринятого исследования обусловлены необходимостью теоретического освоения новых состояний и самого общества, и структур, обеспечивающих правовой порядок его развития. Институты права априори подвержены перманентному изменению формы, содержания, качества и функций, что в условиях концептуального плюрализма теоретико-методологической парадигмы их освоения придает правовой культуре особенный онтологический статус, выраженный в синтетическом единстве ее фактического и символического аспектов, дуалистичной роли субъекта права, который не только воспроизводит, но и производит содержание правовой реальности. Правовая культура, правовое сознание и правопорядок находятся в фокусе предметного интереса широкого круга дисциплин социального, гуманитарного и юридического циклов, задающих собственный ракурс ее освоения. Философский уровень анализа институций правовой культуры

¹ Рувинский Р. З. Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы. СПб.: Алетей, 2020. С. 4.